

Флеш Рояль. Соната для Бетховена

Автор:

[Тала Тоцка](#)

Флеш Рояль. Соната для Бетховена

Тала Тоцка

Глава столичной мафии Игорь Чайковский по кличке Бетховен ставит Домина перед выбором, от которого зависит жизнь Дины. Горец делает свой выбор, но затем он начинает собственную игру, где в паре с ним выступит его соперник Тамерлан. Горец с Тамерланом разыграют как по нотам новую партию, партию для Бетховена.

Тала Тоцка

Флеш Рояль. Соната для Бетховена

Глава 1

Максим загнал машину во двор и выскочил, чтобы помочь ей выйти. А он и правда старается держаться подальше! Даже руку ее выпустил. Лишь посторонился, открывая перед ней дверь и пропуская внутрь.

Ей так хотелось остановиться, запустить руки под его облегающую футболку, проложить, наконец, по шее губами дорожку... Она ей покоя не дает, его шея!

Но лезть к Максиму Дина не стала, наоборот, спрятала руки за спиной и вошла в дом. И как будто похолодало вокруг градусов на двадцать. Динка вздрогнула и

обхватила себя руками.

Она дважды была здесь и оба раза покидала этот дом не с самыми лучшими чувствами. Сказать честно, в полном раздразе. Все разом нахлынуло, она даже глаза закрыла. Остановилась в коридоре и не смогла себя заставить сделать ни шагу.

А Макс снова ее прочел, как книгу. Ну как ей научиться прятать свои чувства? Это же невозможно, когда твои мысли как на ладони!

– Дина, во всем был виноват только я. Я, а не мой дом. Пожалуйста, давай ты попробуешь забыть все те разы и представить, что ты здесь впервые? – он всмотрелся в ее лицо и, наверное, прочел там что-то, очень для себя нехорошее, потому как помрачнел, сжал губы и взял ее за руку. – Если хочешь, я отвезу тебя домой.

Но Динка забрала руку, сбросила босоножки и прошла в гостиную. Камин не горел, деньги на комодке не лежали. Может, дом и правда не виноват? Она обернулась к Домину:

– Ты возвращайся в казино, Максим. Я останусь, ты прав, дом ни при чем, – она осмотрелась вокруг и тут ее взгляд остановился на огромной напольной вазе, стоящей у стены в углу. Ваза была красивой, тяжелой и явно недешевой. Динка с улыбкой посмотрела на Домина. – Ты что, купил для меня вазу, Макс? Так я ее не подниму, она тяжелая.

– Это не для тебя, это я себе, – он прислонился к стене и тревожно наблюдал за Динкой. Но, уловив перемену в ее настроении, тоже улыбнулся. – С тебя хватит тарелок. Есть хочешь?

Динка мотнула головой, ей действительно сейчас ничего не хотелось.

– Тогда жди здесь, я сейчас, – Домин поднялся по лестнице на второй этаж и вернулся буквально через пять минут. В руках он нес увесистый пакет с логотипом недавно открывшегося магазина элитной косметики.

– Дина, это для тебя. Не знаю, то или нет, попросил продавцов подобрать на первое время. Просил для малолеток, – он ухмыльнулся. – Если не подойдет, мы потом поедem вместе и купим все, что тебе нужно.

Динка заглянула внутрь: баночки, флаконы и какая-то большая коробка. Она подняла удивленные глаза на Макса:

– Когда ты успел? Ты что, знал, что я сегодня приеду?

Домин наклонился к ней и сказал, чуть касаясь губами волос:

– Я купил это, когда ты сбежала в отпуск. Я тогда понял, что хочу, чтобы ты жила со мной. Не просто приезжала, а жила здесь все время. И зеркало в спальню тебе купил, ну такое, чтобы краситься, у меня не было раньше, на фига оно мне? Думал дождаться конца смены и тебя увезти. Кто ж знал, что ты к Шагалову соберешься...

Динка протянула руку и погладила его по щеке. По позвоночнику побежали мурашки, внутри колыхнулась тягучая волна. Максим поцеловал ей руку и пошел к двери, лишь на выходе обернулся.

– Дина, там наверху две спальни, моя и гостевая. Душ тоже есть. Если тебе в голову полезут глупые мысли, просто перейди в гостевую спальню, хорошо? Пообещай мне, – он уже требовал, не просил.

– А как я пойму, где какая?

– Поймешь. Так ты обещаешь, Дина?

Пришлось кивнуть. Макс захлопнул дверь, а она так и осталась стоять посреди гостиной, прижимая к себе пакет.

Во дворе заурчал двигатель, внедорожник с шелестом выкатился со двора, и ворота бесшумно закрылись. Динка уселась на диван и вытряхнула содержимое пакета.

Там оказалась полная линия ухода за лицом и телом от «Хелены Рубинштейн» – похоже, Макс скупил все, чем его нагрузили консультанты. Вот зачем, скажите, ей нужна регенерирующая сыворотка? Здесь же ясно написано, после тридцати. Ей только двадцать, и кожа у нее, спасибо хорошим генам, выглядит преотлично. А вот лосьон, кремы для лица, для тела, скраб и пилинг это все нужно.

Динка знала эту линию. Она могла бы себе ее позволить, если бы не приходилось отправлять все деньги маме. Деньги, что дал Максим, ушли на лечение, но нужна была еще поддерживающая терапия и реабилитация. Так что такая покупка светила ей не скоро.

Еще Динка нашла в пакете шампунь, гель для душа, а из коробки достала махровый халат чудного фиалкового цвета. Как раз ей по размеру.

Вот и хорошо, не нужно больше кутаться в огромный доминский, в котором она чувствовала себя улиткой, таскающей на себе целый дом.

Динка сложила все обратно в пакет и пошла в ванную. По старой памяти выбрала ту, что внизу, и обнаружила там такое же фиалковое полотенце. Долго стояла под струями воды, меняя напор и температуру, а после завернулась в новый халат и, прижимая к себе пакет, несмело ступила на лестницу.

Сколько раз она мысленно сюда поднималась, а сейчас почему-то робела.

«Ну же, иди, в крайнем случае сбежишь в гостевую, чего ты пасуешь?»

Перед ней оказались две одинаковые двери. Динка толкнула первую, и на нее дохнуло прохладой. Работал кондиционер, значит, она вошла правильно.

Слева от двери увидела туалетный столик с зеркалом, о котором говорил Макс. Неужели он правда купил его специально для неё?

Сама мысль о том, что он собирался с ней жить, спать, будоражила, заставляла сладко замирать все внутри, и мысли начинали течь только в одном направлении.

А потом она увидела ещё одно подтверждение того, что не заблудилась. На кровати, застеленной шелковой постелью цвета красного вина, лежал комплект кружевного белья и такая же короткая шелковая сорочка на бретелях.

Название на бирке не говорило, а кричало о цене, но намного красноречивее было нежное как паутина кружево, которое могло быть только у «Лиз Шармель».

Когда он успел его выложить? Наверное, когда поднимался за пакетом. Вряд ли он спал в обнимку с бельем, на фетишиста Домин точно похож не был.

Он хочет, чтобы она его надела. Динка провела рукой по невесомой ткани и приложила к себе. Интересно, откуда он знает ее размер? По памяти, что ли, подбирал?

Она надела комплект и посмотрелась в зеркало, выгнулась, чтобы рассмотреть со всех сторон. То, что она видела в зеркале, ей нравилось.

Кружева больше показывали, чем скрывали, и смотрелись так откровенно, что ее даже в жар бросило. Ну зачем Максиму понадобилось возвращаться в «Рояль»? Скользнула по телу шелком сорочки и сразу приняла более пристойный вид.

Захотелось пить, пришлось спускаться в кухню. Везде горел свет, потому что было страшновато одной в пустом доме. В холодильнике обнаружились сок, вода и... йогурты. Целая упаковка. Максим их не любит, значит это для нее? Он ее и правда ждал?

Вернувшись, приглушила свет регулятором и вытянулась на кровати, раскинув руки. Шелк приятно охлаждал кожу.

«А Лане он тоже «Лиз Шармель» покупал?» – царапнула мысль, но Дина заставила себя ее прогнать. Сегодня в этой постели они будут только вдвоем, третьим она не пустит никого. Ни Лану, ни Тимура.

Вот только почему снова вспомнился Тимур с его злым и полыхающим ревностью взглядом?

* * *

Машина стояла под навесом. Домин вышел и достал с заднего сидения розы. В этот раз он выбрал еще длиннее, еле всунул букет в салон.

Букетом эту вязанку назвать было тяжело, сейчас Максим с трудом удерживал ее на весу. Зато его девочка точно за ними сможет спрятаться.

Он вошел в дом и быстро выхватил взглядом босоножки на полу в прихожей. На месте, значит Дина не сбежала. И облегченно выдохнул. Он так станет параноиком в свои двадцать восемь.

Погасил свет в гостиной, поднялся наверх и остановился перед дверью в спальню. Здесь или в гостевой? Открыл рывком и оперся о косяк, опустив вниз вязанку-букет.

Максим несчетное количество раз видел ее спящей в стафф-руме, в гостиничном номере и даже у него на груди, когда они гостили у Лизы с Джамилем. Но сейчас Дина спала у него дома, в его спальне. Спала, свернувшись как кошка и подложив под щеку ладонь, и он не мог в это поверить.

Неслышно вошел, свалил цветы на пол и уселся рядом, прислонившись спиной к стене. Накрыв ладонью щиколотку, что так долго не давала ему покоя, а затем двинулся выше, стараясь едва касаться, чтобы не разбудить. Пусть еще поспит, ему нравится слушать ее мерное дыхание.

«Какая кожа у вашей девушки?» – спрашивали его услужливые консультанты, и он тогда не знал, что ответить. Просто забыл. А она нежная, нежная и гладкая, как шелк.

Дина надела его подарок, и Максим любовался ею, такой соблазнительной и желанной в кружевах «Лиз Шармель». А еще лучше будет вообще без них.

На миг его вышибло от нереальности происходящего. Его любимая девочка перед ним, спит в его постели, а он еще собирался оторвать башку Плоскому? Скорее, Плоский заслужил ящик вискаря. Или, пожалуй, два ящика.

Они в ресторане праздновали победу, а Кадр возьми и спроси, что им теперь делать с Ланой. Киллера, как выяснилось, никакого не было. Лана все

придумала, чтобы Дина сдала Макса, а он ее из-за этого бросил. Даже если бы сдала, он бы не бросил, но нервы, конечно, ему бы это здорово потрепало.

Макс ничего не ответил. А что с ней делать? Дина умница, позвонила Ворону и на этом все закончилось. Или они ждут, что Домин будет разбираться с бывшей любовницей?

Пока что он до мести женщинам не опускался и надеялся удержаться и впредь. Разве что беседу провести, да и то, не с ней, а с Геральдом, пусть тот сам своим девкам языки укорачивает. Вот Тимур как раз и поговорит.

Ворон тогда спросил в лоб, сколько он еще будет круги вокруг Дины наворачивать, и когда уже у них всех настанет спокойная жизнь. И Плоский подгавкивать начал.

Потом взял и выдал, что надо, мол, Дине сказать, что его завалили, привезти на кладбище. А тут Макс живой и здоровый выйдет. Она расплачется, ему на шею кинется и все. Самое невероятное, что где-то так оно и вышло.

Максим честно предупредил Плоского, что на кладбище отвезет лично его самого, зарует и никто даже знать не будет, где именно. Но Ворон Плоского поддержал, и они оба умничали, пока Тимур им не позатыкал рты.

Теперь она спит здесь. Макс поднялся, стараясь не шуметь, нашел еще одну вазу – он их, кажется, три покупал – и ушел в душ. Увидел, кстати, что Дина свои банки и флаконы на столике расставила и улыбнулся, довольный – теперь его девочка живет у него, а остальное его мало волнует.

Странное дело, он когда дом строил, такого удовольствия не получал, как когда этот столик женский с зеркалом привез и в спальне поставил. Ложился спать и видел, как его Дина спиной к нему сидит и волосы расчесывает, как тогда в стафф-руме.

Сразу было ясно, что она в казино появилась только для него, такой ему небеса сделали подарок. Вот только умом доходил слишком долго.

Максим вернулся, поставил вазу с розами со стороны Дины, а сам лег и подгрел ее под себя, вдыхая одуряющий запах и чувствуя, как по позвоночнику ползет горячая волна.

Дина смешно морщила нос и старалась увернуться от его влажных после душа объятий, но он заводил ей за голову руки, целовал и шептал:

– Просыпайся, Динка! Просыпайся, я все равно не дам тебе спать, моя девочка.

Она открыла, наконец, глаза, и удивленно спросила чуть хриплым после сна голосом:

– Макс, почему ты пахнешь розами?

Он засмеялся, осторожно повернул ее голову. Она увидела цветы, и тогда сама потянулась к нему, обнимая, запуская пальцы в волосы, сжимая их на затылке, а потом стала целовать шею.

И как она сразу распознала его слабое место? Макс не всегда позволял так его ласкать. Слишком чувствительными были там прикосновения, и незачем случайным визитерам было об этом знать.

А Дина сразу поняла. Она гладила руками, целовала и прикусывала, отчего у него пульсировало в висках, а сердце билось как сумасшедшее и толчками разгоняло жар по всему телу. Он поднял ее, оплел руками, и они впились друг в друга совершенно сносящим крышу поцелуем.

Никогда раньше Максим не задумывался, что чувствуют с ним женщины, они и так достаточно на него вешались.

В него влюблялись, от него требовали отношений, ему устраивали сцены, и его это лишь раздражало и утомляло. А его волновали лишь собственные ощущения.

Если же вдруг среди них попадалась нормальная влюбленная в него женщина, он еще быстрее прекращал отношения. Или откупался, стараясь расстаться без скандала.

По-другому было разве что совсем давно, когда он был молодым влюбленным мальчишкой, а Лана еще была его Светкой. Наверное, он продолжал любить ее все это время какой-то ненормальной, извращенной любовью, пока не встретил Дину. Она исцелила его от той болезненной, старой и ненужной страсти. И какой же нежной и горячей оказалась его любимая девочка!

Теперь ему было важно слышать ее сбившееся дыхание, видеть ее глаза, лицо, смотреть, как она вскрикивает и закусывает пальцы. От этого совсем затуманивался разум, а сознание мелькало где-то в глубине неяркими сполохами.

Максим старался держаться на весу, а Дина, наоборот, тянула к себе и вжималась в него. Она и так давно заползла к нему под кожу и угнездилась в душе. Теперь он чувствовал в смешанном дыхании, в сплетенных телах, в разгоряченной и расплавленной коже то, над чем когда-то лишь снисходительно посмеивался – и будут двое одна плоть.

Прав был тот блаженный, что так говорил, напрасно Максим ему не верил. Они теперь в самом деле одна плоть. Просто потому, что по-другому быть не может.

... Они уснули, когда за окнами уже давно рассвело, после третьего захода сил не оставалось даже на душ. Максим притянул свою засыпающую девочку к себе, набросил на них двоих простынь и провалился в крепкий глубокий сон без сновидений, ощущая на шее ровное, теплое дыхание.

Глава 2

Динка сидела на диване в гостиной, подогнув ногу, и подрезала розы. Она давно проснулась и, чтобы не будить Максима, ушла вниз, забрав цветы. Их нужно было подрезать и сменить воду, прежде всем было как-то не до этого.

Только сначала не помешает душ, а то она даже не помнит, как уснула после того безумия, которое с головой захлестнуло их обоих.

У Динки при одном воспоминании холодело между лопатками и покалывало в пальцах. Вчера она долго не могла уснуть.

Сначала лежала и смотрела в потолок, потом встала и принялась расставлять на столике свои флаконы и баночки. Затем решила вообще не спать и дожидаться Макса, и неожиданно уснула.

Проснулась от его мокрых прикосновений и горячего шепота, и тут же оказалась втянута в водоворот поцелуев и напористых ласк. Это было совсем не похоже на то первое их «близкое знакомство» в гостиной на диване, рваное, поспешное и... одностороннее.

Сейчас все было иначе. Максим смотрел на нее, словно хотел прочесть что-то для себя, а ей хотелось, чтобы он забылся с ней и совсем ни о чем не думал. И тогда она проверила на нем свои давние догадки.

Так и есть, его шея оказалась очень чувствительной, и Дина наслаждалась той властью, которую получила над этим большим сильным мужчиной. Ее мужчиной.

Снова между лопатками пробежал холодок. Динка поставила еще одну розу в притянутую вазу – ей разве что не катить ее к столу пришлось, и воду в ведерке носить – и в волнении закрыла глаза.

Это было настолько невозможно, что просто не укладывалось в голове: Максим Домин теперь ее мужчина. Она может хоть сейчас подняться наверх, разбудить его, и все те картины, что сейчас так волнуют и будоражат сознание, немедленно воплотятся в реальность.

Он отнес ее в душ, потом они стояли вдвоем у окна. Максим захотел покурить, Динка оплетала его руками, прижималась щекой к груди. Он свободной рукой крепко притягивал ее к себе и целовал волосы, потому что оба не могли оторваться друг от друга.

Домин так и не докурил. Они начали целоваться сначала неторопливо, потом все неистовей, а там и не заметили, как снова очутились в душе после второго раунда.

Затем Максим уложил ее себе на плечо, и ей зачем-то захотелось поделиться с ним всеми сплетнями и слухами о его постельных предпочтениях, которые до нее доходили. О своих глупых переживаниях и о том, как они с Наташкой под «Мартини» учились танцевать стриптиз. Не забыла также упомянуть курсы на объездной.

Реакция ее задела. Макс ржал так, что в самом прямом смысле чуть не свалился с кровати. А она совсем не собиралась его веселить, напротив, искала сочувствия. Хотела пожаловаться, какие иногда идиотские мысли приходят в голову стараниями разных идиотов. Решила обидеться и уйти спать в гостевую комнату.

Пока перелезала через Макса, он перестал ржать, успел ухватить ее за щиколотку и потянуть назад. Она отбивалась вполне по-настоящему, потому что в самом деле разозлилась.

Так и не поняла, что послужило причиной, но завелся он с пол-оборота. И дальнейшее вылилось в самое настоящее безумство, безудержное и исступленное.

У них у двоих совсем слетели тормоза. Когда они на полной скорости влетели на финишную прямую, оба были совершенно без сил. Максима еще хватило на то, чтобы подтянуть ее к себе и укрыть, а Динка вырубилась сразу.

Проснулась уже привычно придавленная его ногой, но в этот раз постаралась выползти из-под завалов, сохраняя достоинство и не разбудив Макса.

Немного посидела, посмотрела на своего спящего мужчину, невесомо коснулась губами прикрытых глаз. В качестве «доброе утра» разложила рядом на постели кружевной комплект, а сама после душа снова скользнула в прохладный шелк.

Чтобы перенести цветы, пришлось делать две ходки, тащить сразу всю охапку было не под силу. Она уже дорезала последние розы, как со стороны лестницы раздался грохот, и вниз слетел растрепанный Макс в серых домашних штанах. Увидев Динку, он с шумом выдохнул и, уже не торопясь, направился к ней.

– Ты что, привидение увидел, любимый? – она воткнула розу в букет и взяла следующую.

– Я белье твое вместо тебя увидел, любимая. Подумал, что ты снова убежала. Мы с тобой с утра слегка поцапались.

– Макс, – Динка развернулась к нему вполборота, – тебе не кажется, что это стало у тебя навязчивой идеей? Я просто подумала, что мы не закончили, но если это так, я, конечно, оденусь...

Она дразнила его и из-под опущенных век с удовольствием наблюдала, как он все правильно понял. Как подходит сзади и начинает целовать открытую шею. Она специально подняла волосы и заколола для верности двумя заколками. Его руки уже обхватывали ее талию и влекли к себе, вдавливая в твердые мышцы пресса.

– Не стоит, – прошептал, прикусывая за ухо, – ты все правильно подумала.

И снова время потекло то медленно, то ускоряясь, напоминая о себе лишь мерным тиканьем настенных часов, которые вскоре стали совсем неслышны из-за урагана, бушующего и сметающего целые города, вызывающего землетрясения и цунами.

А особенно из-за выстреливающего пеплом и извергающего потоки огненной лавы вулкана Эйяфьядлайёкюдль.

* * *

– Счастье мое, я сейчас сдохну от голода, – Максим опирался на локоть и пропускал ее волосы сквозь пальцы. Заколки давно улетели куда-то под диван.

– Давай завтракать, – сонно потягиваясь, отвечала Динка с закрытыми глазами. – Сейчас посмотрю, что там у тебя есть.

– Завтракать уже точно не получится, – хмыкнул Макс, – третий час. Нормальные люди скоро ужинать будут.

– И что у нас на ужин? – она по-прежнему не открывала глаза. Хотелось еще так полежать и понежиться.

- Есть яйца, сыр и бекон. Омлет меня вполне устроит.

- Откуда у тебя продукты? - она даже привстала. - Разве ты не в ресторанах ешь?

- Я всегда завтракаю дома, радость моя, конечно, у меня всегда все есть. Только сначала предлагаю душ, - он подхватил ее и утащил в ванную.

Похоже, у них уже появляются свои маленькие традиции, в душ ее теперь носят исключительно на руках.

- Максим, нужно забрать мои вещи. Я же не могу вот так ходить по дому, - Динка, завернутая в полотенце, безуспешно пыталась отыскать куда-то улетевшую шелковую сорочку.

- Конечно, съездим и заберем. Или хочешь, купим. Только давай не сегодня, - Макс просительно смотрел на Дину. - Надень пока мою футболку или майку.

В гардеробной нашлась черная майка с логотипом какого-то клуба. На Динке она смотрелась как короткое платье. Она покрутилась перед зеркалом и осталась довольна.

В холодильнике оказались и яйца, и сыр, и бекон, и даже помидоры с зеленью. Молока не было, но его вполне можно заменить сливками. Дина разложила продукты, Максим подошел сзади и обнял, целуя в плечо.

- Дина, это не сон? Это правда ты, здесь со мной, и будешь меня кормить? - он уже прижимался сильнее. Динка развернулась и с укоризной посмотрела на обволакивающего ее в кокон Макса.

- Ты есть собираешься или нет?

- Собираюсь, - сказал на ухо полусшепотом и скользнул по шее.

Поднял ее, усаживая на столешницу и накрывая губы своими. У нее уже бежали мурашки по телу, и все внутри отзывалось сладкой негой. Она запустила пальцы

в темные влажные волосы, отвечая на поцелуй и забив на оmlет.

В тишине раздалась трель домофона. Макс тихо выругался, и выдыхая Динке в губы: «Держись за меня», – подхватил ее и пошел к домофону. Динка обняла его за шею и прильнула губами.

– Дина, – простонал Макс, уворачиваясь, – давай хоть узнаем, кого там принесло.

На экране никого видно не было, он включил динамик.

– Кто?

– Бабло, – ответил голос Плоского.

– Надо впустить их, Дина, не переживай, они быстро свалят, – Максим осторожно опустил ее на пол и напоследок прихватил губами. – Моя сладкая-сладкая девочка...

Плоский с Вороном вошли в дом, и сразу стало шумно и тесно. Ворон притянул Динку к себе для традиционного поцелуя в макушку, а Плоский, глядя как ревниво Максим забирает ее обратно, ворчливо буркнул:

– Ну, слава Богу!

Макс многозначительно взглянул на него и заявил:

– Плоский, с меня вискарь.

– Ящик.

– Два.

Довольный Игорь развалился на стуле и смотрел на Динку с загадочным видом. Но для нее весь этот диалог остался загадкой, потому она решила не заморачиваться – мало какие там дела у Макса с Плоским. Спросила у парней:

– Вы омлет будете?

– Мы только пообедали, – отказался Ворон.

– Командир, кофе наливай, – Плоский, нимало не смущаясь, рассматривал Дину, пока она взбивала миксером яйца со сливками. Максим варил кофе, а Динка нарезала сыр.

– А где Тимур? – Макс взялся за вилку и посмотрел на Ворона.

Динка чуть не уронила йогурт и тоже бросила на Сергея быстрый взгляд. Ей показалось или тот и впрямь едва сдержался, чтобы не покрутить пальцем у виска?

– Домой поехал, спать, – ответил за напарника Плоский. – Сказал отвезти тебе бабло и уехал.

Почему-то Динка была рада, что Тимура здесь нет. Ей не хотелось, чтобы он увидел ее такую – неприлично счастливую. С подпухшими губами, в мужской длинной майке и, мама дорогая, они же не догадываются, что на ней нет белья?

Она хотела сесть на стул, но Макс привлек ее к себе на кухонный диванчик и посадил между согнутой в колене ногой и грудью. Как тогда, у Елизаветы на веранде.

Она ела йогурт, запивая кофе, и с удовольствием наблюдала, как ее мужчина уничтожает большой, на всю тарелку омлет с беконом, помидорами и зеленью. Еще и Динку пытается накормить.

Его другая рука незаметно скользит по бедру. Пальцы рисуют узоры, затем перемещаются на талию, по плечу на шею, выступающую из-за шлеек майки лопатку. И если бы пальцы Макса оставляли следы, она бы уже вся была как татуированный уголовник.

– Спасибо, любимая, – он поцеловал ее в плечо, спину и слегка прикусил, – очень вкусно.

И неизвестно больше, в чей адрес были его слова. Наконец мужчины ушли в гостиную, забрав кофе. Динка облегченно вздохнула и начала убирать со стола.

По дороге заглянула к ним, помахала парням и отправилась наверх. И едва ступила на последнюю ступеньку, как ее догнал Максим, развернул и начал целовать, нетерпеливо подталкивая к двери и дальше в спальню.

* * *

– Давай еще поспим, – Максим упал на кровать, увлекая за собой Дину, – что-то я устал.

Но она осталась сидеть на постели. Динка понимала, что им нужно поговорить, однако совершенно не представляла, как начать разговор. В этот раз пронцательность Максима сыграла ей на руку.

– Что-то не так? – он нахмурился. – Дина, говори, не молчи.

Она собралась с духом и выдала:

– Максим, почему мы не предохраняемся?

В комнате на миг воцарилась тишина, затем раздался осторожный голос Макса:

– Тебя это беспокоит?

– Да.

– Дина, у меня после тебя никого не было, я потом проверился, со мной все в порядке, – он сел и уставился на нее немигающим взглядом. – Или... Ты мне изменила?

Его голос стал на порядок прохладнее. Динка вскинула на него изумленный взгляд.

– Что? А, нет, конечно же нет, – она тряхнула кудрями и добавила. – И как я могла изменить тебе, если мы с тобой в тот раз...

– Я уже говорил тебе, что считаю тебя своей именно после того раза, что бы ты там себе не надумала, – его голос стал еще холоднее. Динка обхватила плечи руками.

– Хорошо. Нет, я тебе не изменяла, дело не в том. Я хочу, чтобы ты знал, если я забеременею, то я не стану делать аборт, Максим. Я должна была это сказать, – она опустила глаза и перевела дух.

Как же тяжело обсуждать с ним такие вещи! Подняла голову и в испуге отшатнулась, увидев рядом с собой перекошенное от гнева лицо.

Он крепко схватил ее за затылок, и его глаза оказались совсем близко. В них плескалось что-то совсем ледяное, он с силой сжал ладони, захватывая лицо.

– Даже думать не смей, поняла? – голос был теперь совсем чужим. – Хорошего ты обо мне мнения, милая. Что ж ты связалась с таким козлом?

Динка с отчаянием вглядывалась в его еще совсем недавно такое родное лицо, которое теперь было темным, словно грозовое небо, и готова была расплакаться.

Ну что она опять сказала не так? Что его так задело? До боли захотелось, чтобы он снова стал тем любящим и сдувающим с нее пылинки Максом. Она обвила его лицо ладонями и начала целовать глаза, виски, губы.

– Прости меня, я не хотела тебя задеть, я снова сказала что-то не то, прости...

Он схватил ее в охапку и стиснул так, что у нее едва не треснули ребра.

– Дурочка. Что ты мелешь, какой аборт? Кто тебя пустит? – он отстранился на минуту, и она с облегчением увидела, как его лицо снова стало прежним. Разгладились вертикальные морщины на лбу, из глаз исчезла ледяная пустыня.

Перед ней снова был ее Максим. Динка не сдержалась, слезы сами брызнули из глаз, и она спрятала лицо у него на шее. Макс поудобнее перехватил ее и усадил

на руки, крепко прижимая к груди, а сам продолжал говорить:

– Ты права, мы должны предохраняться, тебе нужно доучиться. Завтра поедем к доктору, он выпишет тебе таблетки. Но, Дина, сколько можно повторять: ты теперь со мной, ты не должна ничего бояться. Я в состоянии о тебе позаботиться. И разве я такой подонок, что отправлю тебя на аборт? Ты можешь просто оставить это мне, или ты мне совсем не доверяешь?

Динка продолжала прятаться, пока Макс не заставил ее посмотреть ему в глаза.

– Дина, еще раз. Я люблю тебя. Я никому тебя не отдам, и я никогда не сделаю тебе больно. Ты можешь мне поверить?

Динка торопливо закивала. Он стал осторожно целовать ее, высушивая слезы. Она подставляла под поцелуи лицо, постепенно успокаиваясь, и думала, как хорошо мириться, когда можно говорить на языке тела. С разговорами у них по-прежнему было туго.

Максим шептал, продолжая едва ощутимо касаться ее губами:

– Девочка моя, любимая, моя Динка...

И они не спеша поплыли туда, где язык тела был единственным возможным и достаточным. Где они понимали друг друга с полувздоха и полустона. Где слова были вовсе не нужны, и откуда можно было долго не возвращаться.

Вечером Максим заказал из ресторана ужин и предложил посмотреть кино. Они еще немного попрепирались, что смотреть: Максим был за «Рокки», Динка за «Привидение». Сошлись на том, что посмотрят оба фильма.

Макс положил голову ей на колени. Она запустила пальцы ему в волосы и перебирала, гладила и массировала кончиками пальцев, прихватывая ногтями. Максим щурился и напоминал ей сытого, довольного кота.

Странно, прежде она всегда видела в нем хищника, как минимум какого-нибудь волка. А теперь он разве что не урчал от удовольствия.

Динка смотрела «Привидение», а Макс спал, уткнувшись лицом ей в живот и даже во сне не разжимал рук. Когда фильм закончился, она щелкнула пультом и просто сползла в его объятия.

Он, не просыпаясь, подмял ее под себя и тут же закинул ногу ей на бедро. Динка улыбнулась, поцеловала его в шею и уснула.

Глава 3

Приближалась свадьба Ворона. Максим забрал Динку из дома, чтобы пообедать и заехать «за шмотьем» в тот большой бутик с красивым фасадом из черного камня, что был в нескольких кварталах от «Рояля».

Она сидела рядом, откинувшись на сиденье, и с удовольствием следила за его руками, лежавшими на руле. Они и расстались совсем недавно, а она уже успела соскучиться. И Макс тоже, это было слишком заметно.

Значит, обедать снова будут в закрытом кабинете. Динка улыбнулась.

Как же поначалу сложно ей было разобраться, как с ним обращаться, с этим ее мужчиной! Очень похоже на тот первый раз, когда Макс усадил ее за руль своего внедорожника, показавшийся ей точно таким же неуправляемым, как и сам Максим. У нее вообще было чувство, словно она в танке сидит.

Но прошло некоторое время. Огромный, как лайнер, внедорожник оказался достаточно маневренным, и Динка с тайной радостью обнаружила, что хозяин джипа точно так же поддается управлению.

Пусть это касалось лишь их отношений. Она дала себе слово обо всем с ним разговаривать, а не надумывать себе то, чего нет. Если любимый мужчина просит тебя довериться ему, упираться очень сложно. Иногда практически невозможно.

У Максима свободного времени становилось все меньше. Он успел уже несколько раз съездить в столицу, и в первый раз Динка решила провести

СВОИХ.

Макс порывался отправить ее на машине с двумя бойцами, но она отказывалась. Поездом одной в купе СВ-вагона было намного комфортнее.

Она была счастлива видеть и маму, и бабушку, радовалась тому, что здоровье у той потихоньку идет на лад. Но ближе к ночи, когда все уснули, ее охватила такая тягучая, невыносимая тоска, что она закрылась в кухне с телефоном и гипнотизировала трубку, ожидая звонка.

Максим позвонил, и по одному лишь звучанию голоса Динка поняла, что его одолевают те же чувства. Жгучее, поглощающее, невыносимое желание – казалось, у нее даже кожа загорается и пламенеет без него.

Ей казалось, без Максима она не может ни дышать, ни есть, ни двигаться. Воздух, он был нужен как воздух. И, когда они оба вернулись и встретились, в этом неистовстве Дина ощутила, что с ним происходило то же самое.

– Девочка моя, чем ты меня опоила, что я без тебя, как наркоман без дозы? – хрипло проговаривал Максим, едва отдышавшись.

Чтобы затем снова с головой провалиться в необузданную, неукротимую пропасть. Снова вынырнуть и лежать, вцепившись друг в друга и хватая ртом воздух, словно рыбы, выброшенные на берег.

Он брал ее с собой в тир. Это неизменно вызывало наигранный ужас у Ворона, который требовал отобрать у «барышни все стрелялки, пока она тут всех не замочила».

Кстати, получалось у Динки довольно неплохо. Но все же, она иногда выпрашивала у Макса его пистолет и стреляла холостыми патронами, который он специально для нее где-то взял.

Несколько раз они заезжали в «Рояль». Максим что-то выяснял, а Динка шла здороваться в штафф-рум. И замечала завистливые взгляды девчонок за исключением разве что Юли. Та осталась без пары и теперь искренне жалела о Динке.

Раз столкнулась со старыми знакомыми игроками – приятелями упокоившегося Тиграна. Но те, зыркнув на сидящего в баре Горца, обошли ее десятой дорогой.

Больше Динка старалась в казино не показываться, не признаваясь даже себе, что в какой-то мере ей еще было сложно появляться там из-за Тимура. Он здоровался с Максом, ей кивал подчеркнуто вежливо и холодно, и ей почему-то это было неприятно. А почему, кто знает.

Вечером Максим любил ужинать дома. Он привозил еду из ресторана, или Дина готовила сама, поскольку сидеть дома ей и так порядком надоело. Она уже считала дни до учебы или хотя бы, когда вернутся подружки.

Иногда Макс просматривал какие-то бумаги. Динка пристраивалась у него сзади, обхватывала руками и просто сидела, прижавшись щекой к спине. Он гладил ее руку, и никогда еще не было ей так хорошо и спокойно, как за этой широкой, мускулистой спиной своего мужчины.

Они приехали в «Бристоль», за короткий срок ставший самым популярным рестораном в городе. Макс старался каждый день обедать с Диной или дома, или в ресторане, за исключением тех случаев, когда уезжал из города. Если он сам не успевал за ней заехать, присылал кого-то из парней, и эти встречи нравились ей больше всего.

Она хорошо знала, как нужно посмотреть на него, облизнув ложку после десерта. Или начать кормить им любимого, а затем просто слизнуть сладкую каплю с уголка губ.

Ее мужчина откликнулся мгновенно. Потому они и предпочитали закрытые кабинеты, ведь до вечера было еще так далеко.

В первый раз они заняли обычную кабинку, Динка как раз ела мороженое. Макс попросил у нее попробовать, кто кого случайно вымазал, она так и не поняла. Опомнились они лишь когда Дина готова была стянуть с Макса футболку.

Он позвал официанта, блюда унесли в отдельный кабинет, а у них теперь появилась еще одна маленькая традиция. И Динка не была уверена, не нарочно ли Максим это все подстроил.

* * *

Она сразу заметила это платье, но Максим тут же его забраковал. Сказал, что оно довольно длинное, а у его любимой девочки слишком красивые ножки, чтобы их прятать.

И это тот самый Макс, который без конца одергивал ей подол, если, по его мнению, платье было слишком коротким? И который пригрозил выбросить ее любимые белые шорты, если она пойдет в них куда-то без него?

Костюм для Максима выбрать было проще, в бутике его знали и ценили. Владелица бутика, платиноволосая Инга, вилась вокруг вьюном, не обращая никакого внимания на Динку. О продавцах и говорить нечего, она даже разозлилась вначале.

Но Макс так подчеркнуто допытывался только у Дины, нравится ли ей, как на нем сидит костюм, что Инга скисла, поджала хвост и убралась в сторону.

В бутике пахло деньгами и дорогими вещами. Динка неторопливо перебирала вешалки с одеждой, но ее неизменно тянуло к тому самому платью, в которое она сразу влюбилась.

Нежный пастельный оттенок – она обожала такие тона! – на белой коже смотрелся бы блекло, зато к загару шел необыкновенно. Celine. Ей даже название нравилось.

Но Макс захотел сам выбрать ей платье. Он отобрал с десятков самых разных и передал продавцам.

Дина одевалась-раздевалась, что-то ей нравилось, что-то нет. Что-то нравилось Макс, что-то нет. В конце концов он выбрал тоже красивое, цвета фуксии, но, на взгляд Дины, оно было слишком ярким для свадьбы и больше подошло бы для посиделок в баре.

Зазвонил телефон. Макс вышел на крыльцо, кого-то послал, вбежал назад и сунул Динке портмоне с деньгами.

– Дина, мне надо уехать. Выбери еще что-нибудь, денег там достаточно, и заберешь мои пакеты. Вызовешь такси или мне прислать кого-то? Я буду поздно, ложись спать без меня.

– Такси, – она хотела чмокнуть его в щеку, но он привлек ее и поцеловал в губы.

Ее тут же пронизало дрожью, на миг вызванной картинами совсем недавней дообеденной встречи в «Бристоле». И послеобеденной тоже.

Динка все же решилась примерить то платье и, когда вышла из примерочной, даже недобро косящаяся Инга не удержалась от восхищенного возгласа. Она не ошиблась, платье очень шло к ее волосам и коже. И вовсе оно было не длинное, лишь чуть прикрывало колени.

– У нас есть под это платье туфли и клатч, – отмерла одна из продавцов и принесла их Дине.

– Посчитайте, пожалуйста, сколько я должна, – повернулась та к Инге.

Платье стоило почти в полтора раза дороже, но Дина решила вернуть Максиму переплаченную часть и, нагруженная пакетами, села в подъехавшее такси. Настроение ей теперь не могла испортить даже поджавшая губы Инга, едко выпустившая Динке вслед какую-то колкость. Это было хорошо видно через огромную витрину.

* * *

Динка ехала в такси и нетерпеливо поглядывала на часы. Хоть бы не опоздать! Она сказала Максиму, чтобы тот ехал в ЗАГС сам, а теперь застряла в пробке. Но кто же виноват, что Вика так далеко живет?

Максим попросил ее созвониться с кем-то из жен его парней, чтобы те посоветовали Дине приличный салон. Он хотел, чтобы она хорошо выглядела на свадьбе Ворона, поскольку молодоженов обещал осчастливить своим присутствием сам Чайковский.

Для Сергея то, что Бетховен соблаговолил приехать на его свадьбу, было хорошим знаком. Его выделяют, значит карьерный рост не за горами.

Динка не стала никого спрашивать. Одноклассница Вика недавно вернулась из той самой столицы ближнего зарубежья, куда Динку звал Шагалов, где закончила курсы парикмахерского мастерства Жака Дессанжа.

Она одна знала, как обращаться с Динкиными волосами. И если из них можно было соорудить что-то путное, то это было под силу только ей.

Над прической бились больше двух часов, но результат того стоил. Вика полностью выпрямила Динины волосы и уложила волнами по краям, а сзади собрала в хвост, который спадал такими же волнами. Кончик его закреплялся у основания.

Макияж наносили тоже в четыре руки. С этим было проще.

Хорошая косметика, на которую она присела с тех пор, как начала работать в казино, сама ложилась как надо. Не то, что та дешевая дрянь, которой приходилось пользоваться раньше. Плюс Вика, в школе одним глазом подсматривающая за стилистами.

В общем, когда Дина встала перед зеркалом, они обе некоторое время молчали.

– Ну, мать, ты даешь, – наконец смогла произнести Вика, опуская небольшое круглое зеркало, с помощью которого она показывала Динке «тыл».

– Это ты дала, Викусь, – только и выговорила Динка.

В зеркале она увидела совсем другую себя. Вдруг вспомнилась безукоризненная Лана. Вика и правда была мастером от Бога, пожалуй, сейчас Лана плакала бы навзрыд. В таком виде Динку вполне можно было бы поместить на обложку какого-нибудь модного журнала.

Но главное, платье от «Селин». Как же хорошо, что она его купила! Из легчайшей ткани, оно струилось, стекало вниз, подчеркивало талию, а высокий разрез очень эротично открывал при ходьбе ногу. Не до основания, конечно, но

почти.

Лишь бы Макс не рассердился, что она не купила то платье, которое понравилось ему. А разрез он точно оценит! И высоченный каблук позволит стать почти одного с ним роста.

Динке до дрожи в коленках захотелось увидеть реакцию Максима. Она оставила Вике вдвое больше, чем договаривались, хоть та поначалу совсем ничего не хотела брать, и обняла ее. Она бы и расцеловала приятельницу, если бы не тщательно покрашенные губы.

Наконец, такси затормозило у дверей центрального ЗАГСа. До начала регистрации оставалось еще пятнадцать минут, она не опоздала! Толкнула тяжелую дверь – ЗАГС располагался в старинном двухэтажном здании – и вошла в холл.

Внизу никого из знакомых не было. Динка подошла к широкой лестнице, ведущей на второй этаж, и внезапно обнаружила, что все уставились только на нее.

Стало совсем неловко, Динка подняла глаза и тут же столкнулась взглядом с Максимом. Он стоял на втором этаже, облокотившись о балюстраду, и смотрел вниз.

Их взгляды встретились. Он выпрямился и застыл на миг. Динка даже испугалась, вдруг ему не понравилось, что она так самовольно обошлась со своим нарядом. Но Макс быстро пролабирал между собравшимися гостями и слетел к ней по ступенькам.

– Дина, – произнес низко, хрипло, привлекая к себе, и этот жест как бы говорил всем глазающим вокруг: «Обломитесь. Мое». Она не удивилась, если бы он за ее спиной показал окружающим средний палец.

Сверху кто-то присвистнул, оказалось Плоский. Самоубийца, теперь Витка, его жена, ему весь мозг за Динку проест. – Какая же ты красавица!..

Он едва прикоснулся тыльной стороной ладони к ее щеке и так же невесомо поцеловал. Динка схватилась за его ладонь и сжала пальцы.

– Ты не обижаешься, Макс, я купила другое платье, оно мне больше понравилось...

– Конечно нет, тебе так идет, – он снова прикоснулся поцелуем. – Идем, любимая, уже скоро начало.

И сейчас это его «любимая» прозвучало не как привычное шутовское «счастье мое» или «радость моя». Он назвал ее, словно обращался по имени, совсем непривычно и так неожиданно, что у нее выступили слезы.

Быстро наклонила голову вниз, чтобы Макс ничего не заметил и, вложив в его руку свою, пошла за ним.

Раньше счастье казалось ей чем-то эфемерным, призрачным и обязательно прошлым. Ведь так легко точно определить, когда именно наступало то счастье в прошлом, вспоминая и заново проживая счастливые минуты.

А сейчас, впервые в жизни, она была счастлива именно в этом времени, сию секунду, в это самое мгновение. Ее затопила такая волна нежности, что она не выдержала и окликнула его:

– Макс! – сказать хотелось столько, но вокруг было слишком много лишних ушей и глаз. Так что она лишь прижалась к нему и шепнула возле шеи, старалась не вымазать помадой белоснежный воротник рубашки: – Я тебя так люблю!

И, увидев его изменившийся взгляд, с тайной радостью поняла, что им бы на этой свадьбе совсем не помешал отдельный кабинет. Хотя вряд ли Ворон так далеко пошел в своих заботах о дорогих гостях.

Потому просто обвила руками шею Максима, услышав тихое: «А я без тебя вообще жить не могу».

Глава 4

Мужчины все время выходили куда-то толпой, тогда она брала бокал с шампанским и пристраивалась у окна банкетного зала в ожидании Максима. С ним Дина себя чувствовала надежно и уверенно.

Здесь она мало кого знала, больше всех невесту Иру, но той, сияющей от счастья, сейчас было не до Динки. Жену Плоского она сама не любила – стервозная особа, изводившая всех своей ревностью к мужу. Динка даже сочувствовала Игорю.

Тимур пришел с девушкой. Дина увидела их издали, он подошел поздороваться с Максом, а на нее лишь мельком взглянул. И это неприятно кольнуло.

Тимур давно распрощался с образом бритоголового братка. Его волосы уже прилично отросли, и он теперь смотрелся более чем презентабельно. Ах да, она забыла, они же с Максом теперь известные в городе бизнесмены и меценаты!

Девушка была красивой, что в общем-то и неудивительно. Тимур парень видный и небедный, может себе позволить выбирать. Волосы у Тимура оказались темными, вкуче с темно-карими, почти шоколадными глазами и такими же темными ресницами эффект был таким, что он укладывал девиц штабелями влегкую.

Динке вдруг подумалось, если у Тимура будет дочка, хорошо, если ей достанутся в наследство отцовские глаза.

Как рассказал по секрету Ворон, девушку Тимур-Тамерлан выбрал из «мажоров». Ее родители, из высших эшелонов городских властей, поначалу не очень обрадовались, когда дочь связалась со шпаной. Однако стоило шпане начать именоваться бизнесменом, как благосклонность родителей волшебным образом развернулась на сто восемьдесят градусов.

Динка вытянула шею, высматривая Макса, и чуть не выронила бокал от неожиданности, когда над ухом раздался приятный женский голос:

– Привет! Ты Дина? Давай знакомиться, я Лена.

Динка обернулась. Девушка Тимура безмятежно улыбалась и протягивала ей руку, но как-то странно, ладонью вниз. И что она должна сделать с этой рукой, пожать? Или поцеловать? Динка решила просто проигнорировать и отпила из бокала.

– Да, Дина. Очень приятно, – и замолчала. Чем-то ей не нравилась девушка, и вовсе она не ревнует.

– Тимур вечно куда-то убегает, а я здесь никого не знаю, – поделилась Лена. Динка неопределенно пожала плечами.

– Та же проблема.

– А ты правда в казино работала?

– Правда.

– И каким ветром тебя туда занесло? – прозвучало несколько насмешливо, но Динка постаралась не обращать внимание.

– Я учусь. Нужна была ночная работа, – объяснила как можно приветливей.

– А сейчас что? Горец деньгами осыпает? Даже на «Селин» хватило? – та уже не скрывала насмешки. Динка взглянула на нее и устало спросила:

– Слушай, только честно, что ты от меня хочешь?

– От тебя? Ничего, – Лена повела плечами. – Просто захотелось посмотреть на тебя ближе. А то достало, что мой мужчина твоим именем меня называет.

– Посмотрела? Вот и отвали, – Динка отвернулась.

По проходу к ним уже шли Максим с Тимуром, и она невольно залюбовалась обоими. На Тимуре костюм сидел, как влитой. Если Максим носил костюмы так, словно в них родился, то Тимур это проделывал с некоторой небрежностью. У него это получалось красиво и... сексуально?

Все из-за Лены! Дина и думать не думала о Тимуре, а теперь мысль, что он называет ее именем свою девушку, прицепилась, как пиявка. Интересно, и во время секса тоже? С другой стороны, она же терпит?

Динка представила, если бы Макс, целуя ее, прошептал чужое имя, что бы она сделала? Ничего особенного, встала, оделась бы и ушла.

Максим это знает. У него самая настоящая паранойя развилась на почве того, что Дина может от него сбежать, совсем недавно только отпускать стало. И уж точно она не стала бы знакомиться с хозяйкой имени.

- Вы уже подружились, девочки? - Максим положил руку ей на талию, она ухватилась за его руку обеими ладонями.

- Подружились. Мы можем поехать домой, Макс?

Тимур увел Лену, так и не взглянув на Динку, и она всем телом прижалась к Максиму. Так хорошо и надежно было отгораживаться его спиной от всего мира!

- Не сейчас, любимая, ты должна кое с кем познакомиться, - Максим увлек ее за собой. Они миновали счастливых молодоженов, вышли из банкетного зала и свернули в неприметный коридор.

Макс толкнул дверь и ввел ее в небольшой кабинет, где в широком кресле сидел и явно их ожидал незнакомый мужчина. Возле кресла стоял небольшой столик с закусками, но все они оставались нетронутыми. Казалось, мужчине с трудом давалось само дыхание.

Немолодой и достаточно болезненный на вид. Лысый череп в пигментных пятнах смотрелся жутковато, но гораздо больше напугали Динку глаза. Запавшие, светлые, даже белесые, они смотрели словно сквозь нее. Точно, как рентген.

Стало совсем не по себе. И голос старческий такой, скрипучий, а ведь он далеко не старик, этот мужчина. Динка сразу догадалась, кто перед ней.

- Ну здравствуй, Диана! Владимировна, я ничего не путаю?

– Здравствуйте, Игорь Константинович, – постаралась улыбнуться, хотя больше всего хотелось бежать, и чем дальше, тем лучше. Но бежать было некуда, да и рука Максима уверенно ее удерживала.

– Оставь нас, Максим Георгиевич! Не бойся, не украду я у тебя твою красавицу, не тот у меня возраст. И здоровье не то, – он закричал, и Динка поняла, что Чайковский смеется. – Не смотри так, девочка, я не скончаюсь у тебя на глазах. Это легкие меня подводят, ну же, Максим Георгиевич! – в скрипучем голосе зазвенела сталь, и Динка невольно вздрогнула.

Силы духа Бетховену было не занимать. Максим кинул беспокойный взгляд на Дину и вышел.

– Что, бортанула ты моего товарища? А он как узнал, что ты с Максимом спуталась, чуть на дерьмо не изошел, – Чайковский снова засмеялся, а Динка запоздало сообразила, что он говорит о Шагалове. И лишь плечами пожала. – Не жалеешь?

– Я люблю Максима, Игорь Константинович, – сказала, если это вообще ему интересно.

По мнению Дины, не мешало бы вызвать реанимацию, но тут Бетховен достаточно бодро поднялся и подошел к ней.

– Красивая, – он окинул Динку оценивающим взглядом, словно живой товар на рынке рабов, – и породистая, таких мало сейчас. Ясно теперь, отчего Шагалова так порвало. Ну ничего, переживет. А ты что, учишься?

– Да, – она с трудом сдерживалась, чтобы не наговорить лишнего.

Невозможно стоять и молчать, когда тебя осматривают, как кобылу перед скачками. Разве что зубы проверять не полез. И Бетховен это почувствовал, уперся насмешливым взглядом:

– Что, злишься? Молодая, горячая, ума видно еще не набралась. Ладно, иди, люби своего Максима. И смотри мне, учись хорошо.

– До свидания, – еле выдавила Динка и вылетела из кабинета.

* * *

Максим на свадьбе не пил, так что за руль сел сам. Динка взобралась на сиденье рядом и увидела, что сзади салон забит розами.

– Ты что, не отдал Вороновым цветы? – спросила удивленно. Макс покачал головой и улыбнулся.

– Все отдал. Поехали, узнаешь.

Он начал целовать ее еще в машине, под навесом, а потом долго выволакивал из салона букет. Какой там букет! Это даже не вязанка, а целая копна! Динка у дяди в деревне видела такие.

Максим разве что не на плечи их взвалил, вошел в дом и бросил на пол в гостиной. На вид роз было раза в два больше, чем обычно.

– Это тебе.

Она изумленно смотрела то на Макса, то на рассыпавшиеся по полу цветы. Он подхватил ее и вжал в стену, проводя рукой вдоль разреза и касаясь кожи теплой ладонью.

– Весь день хотелось это сделать, еле сдерживался, – пробормотал, целуя шею и захватывая губы, – платье оставь...

Она оплеталась вокруг него, поддаваясь и отвечая. Стаскивала с него одежду, а по кругу уже закручивалась знакомая воронка, утягивающая обоих в самый эпицентр торнадо, бешено вращающегося и уносящего далеко за горизонт.

Когда их выбросило наружу и Дина, руками и ногами цепляясь за Максима, удерживающего ее на весу, смогла открыть глаза, ей как навеяло тяжелым, сбившимся дыханием:

- Дина, ты выйдешь за меня замуж? Извини, я не на коленях...

Она прижалась лбом к его лбу и перевела дыхание. И счастливо рассмеялась.

- Так намного лучше. Да. Да. Да!

Макс тоже рассмеялся и начал оглядываться, рыская глазами по комнате. При этом продолжал поддерживать ее, а затем виновато сощурился:

- Там кольцо в штанах, в кармане. Целый день таскаю, боюсь потерять. Пойдем искать штаны?

Динка запрокинула голову, снова рассмеялась, поймав еще один поцелуй, затем посмотрела в прищуренные любимые глаза и радостно кивнула.

* * *

И что от него понадобилось Чайковскому? Ведь на прошлой неделе они с Тимуром уже приезжали в столицу и, казалось, обсудили все текущие вопросы!

Максим прибыл к месту встречи раньше назначенного и решил заодно поужинать. Ресторан ему нравился, кормили здесь неплохо.

Позвонить Дине? Нет, потом позвонит, после разговора. Сейчас ее голос выбьет из нужной колеи. А если она начнет вздох рассказывать ему, что там они с подружками еще напридумывали насчет свадьбы, у него окончательно испортится настроение.

Он должен все это выслушивать не по телефону, а лично, лежа и расслабившись. Желательно без одежды, наматывая на пальцы пряди ее волос, пока его девочка, облокотившись на его грудь, с серьезным видом и обстоятельно станет все ему объяснять, рассуждать и спрашивать совета. А он будет лежать и удивляться самому себе, почему такая замечательная идея - жениться на Дине - не пришла к нему раньше. Точнее, сразу, как он поселил ее у себя.

Впервые Максим понял, что все идет неправильно, когда они приехали к ней домой за вещами. Дина собирала документы, и Макс тогда впервые увидел ее паспорт.

Ему сразу неприятно царапнуло глаза – Ареева. Даже не удержался и спросил, почему Ареева. Дина недоуменно пожала плечами:

«А как еще по-твоему там должно быть написано? Папа у меня был Ареев, и мама Ареева. Что с тобой, Макс?» И посмотрела обеспокоенно, разве что ладонь ко лбу не приложила.

«Домина», – понял он. Там должно быть написано: «Домина», а не «Ареева».

Он ничего не сказал Дине. Пошутил над ее фотографией, и она, конечно же, обиделась. Он пристал с извинениями и долго извинялся сначала в кухне, а затем они перебрались в комнату на диван.

Максим улыбнулся. Кольцо он купил чуть позже, размер замерял, дождавшись, пока его девочка уснет. Они подали заявление на следующий же день после его предложения со сто одной розой, и теперь Максим с удовольствием наблюдал, как его любимая девочка готовится к свадьбе.

Ему самому свадьба была нужна как рыбе зонтик. Он предложил расписаться и улететь на Канары, но она так расстроилась, что Макс тут же сдался. Пусть будет свадьба, если ей хочется, а на Канары они и так полетят.

Свадебное платье выбрали шикарное. Милка, стерва, попыталась отпустить пару шпилек, но Макс как бы невзначай вспомнил о занятых на старте деньгах. Она сразу присмирела и лично включилась в работу.

Секс у них был мимолетный и незапоминающийся. Вполне возможно, Милка и присмотрела его тогда в качестве источника стартового капитала, кто сейчас вспомнит. Макс не возражал. Дело Милка свое знала, работать умела. Макс ее за это уважал и об отданных деньгах не жалел.

Он сидел и умничал, что неважно какое платье, лишь бы материал хорошо поддавался. Но когда Дина вышла из примерочной, его как накрыло.

Он и сам не понял, с чего его так разобрало, но лишь присутствие Милки спасло салон от дальнейших разрушений. Они с Диной ограничились примерочной, причем Максим ухитрился платье даже не измять. Или там ткань была такая немнущаяся? Платье отложили, к нему должны были доставить коллекционные перчатки и фату.

И где он взялся этот Чайковский? В этот раз Дина совсем не хотела его отпускать, даже просила взять ее с собой. Макс бы и взял, так кроме разговора с Бетховеном ничего больше и не планировалось. Возможно, он даже ночевать здесь не останется и к утру уже будет дома.

Он представил, как войдет в спальню, посмотрит на свою спящую девочку, вдохнет ее запах...

Максим с тоской посмотрел на часы и уже потянулся к телефону, как тут его окликнули. Провели вглубь и оставили перед дверью в кабинет Чайковского.

Бетховен выглядел неважно. Кажется, даже хуже, чем в прошлый раз.

– Что, не нравлюсь? – он мигом считал все, как качественная магнитная головка. – Все правильно, Максим, мне осталось недолго. Да ты садись, в ногах правды нет.

Макс сел напротив, стараясь подавить в груди муторное чувство, которое возникало у него в определенные минуты и безошибочно подсказывало, что именно сейчас в его голову направлен прицел автомата.

– Максим, я умираю. Молчи, не перебивай, – он жестом остановил пытающегося возразить Макса. – Мне нужна твоя помощь. Вчера вернулась Марго.

Маргарита, дочь Чайковского, училась где-то за границей. Где именно, Макс не уточнял, не надо было. Он внутренне подобрался, как перед прыжком с парашютом – начало нравилось ему все меньше и меньше.

– Она должна заменить меня. Но ты сам понимаешь, это кодро съест девчонку и не подавится. Ей нужна хорошая защита.

– Я помогу Маргарите Игоревне, можете не сомневаться...

– Ты, я слышал, жениться собрался? – перебил его Бетховен. – На студентке своей?

Максим молча кивнул, пытаясь понять, куда клонит старый паук. Раньше тот и так собирался передавать дела ему и Михалю, своему первому помощнику.

– Максим, наступают другие времена. Время дворовой шпаны уходит. Кем ты хочешь быть? Тем, кто управляет денежными потоками или тем, кто отщипывает от них, что в руку упадет? Стране нужна элита, новая кровь, если угодно. А среди элиты так не принято, мой дорогой, – он протянул руку к стакану. Макс налил воды, старик кивнул и, закрыв глаза, сделал глоток. – Брак – это то, что должно помочь укрепить связи, занять новое положение. Подвинуть, в конце концов тех, кто уже засиделся. Что тебе даст твой бесполезный брак?

– Что вы хотите? – Макс старался, чтобы голос его не выдал.

– Я хочу, чтобы ты женился на Марго. Ей не нужен надсмотрщик, Максим, ей нужен муж. Она положила на тебя глаз, не буду скрывать. Еще три года назад положила. А теперь вернулась и узнала о твоей свадьбе... – он словно выругался. – Я хочу, чтобы ты полностью заменил меня здесь. Михаль подавится слюной, конечно, но им всем придется принять тебя, как моего зятя, куда денутся. В твоих руках будут мои деньги и мои связи, а авторитет ты себе заработаешь. Ты парень талантливый, не чета многим нынешним, – он закашлялся и снова схватился за стакан. У Максима зазвонил телефон, Бетховен махнул: – Ответь!

Звонил Ворон.

– Макс, Лану в посадке нашли. Яременко фотки показал, там вообще...

Максим отбился и поднял глаза, всеми силами стараясь унять дрожь в руках и kloкочущий в груди гнев. Зачем было трогать Лану? Что она им сделала?

Чайковский смотрел на него внимательно, словно опять считывал информацию. Он знал. Он все знал. И тут же мозг прострелило: Дина. Лана – всего лишь

предупреждение.

Максим осторожно откинулся на спинку кресла и впился руками в подлокотники, стараясь их не раздавить.

Глава 5

– Что-то случилось, Максим? – старый гад не отводил от него испытывающего взгляда.

– Ничего особенного, – пожал плечами.

Спокойно. Он должен взвешивать каждое слово, чтобы не спугнуть старого зверя и заставить его сказать больше, чем тот собирается.

Вдруг вспомнилось, как они с Немцем переходили заминированную полосу перед спасительной «зеленкой». Тот все время повторял: «След в след, Макс, ступай четко в мой след».

Теперь идти не за кем, самому придется прокладывать безопасный путь. А за ним след в след теперь пойдет Дина.

– Я не люблю вашу дочь, Игорь Константинович, – Максим старался казаться расслабленным, несмотря на зашкаливающее напряжение, вытягивающее нервы в струны. При этом неотрывно следил за безжизненно застывшим лицом.

– И не люби, – все так же внимательно глядя на него, сказал Бетховен. – На кой она сдалась, твоя любовь? Люби кого хочешь и куда хочешь, дело твое, только в сердце не пускай, лишнее это. Вспомни себя, когда ты ко мне за помощью пришел. Ты тогда пережил трагедию, но ты стал свободен, Максим, и я убежден, ты достиг всего только благодаря тому, что всегда был один. На тебя не было чем надавить, понимаешь, мальчик? Я всегда восхищался твоим умением держать в узде все свои хотелки, а здесь ты как с цепи сорвался. Я давно за тобой наблюдаю, ты с этой своей Диной как с ума сошел. Да, красивая девка, но таких, как она, полный город. От баб ничего, кроме проблем, не бывает. Дети,

вот смысл жизни. Баб может еще вагон быть, а дети всегда при тебе. Не надо любить Марго, будь ей мужем. Одно дело делайте. Детей она тебе нарожает, а сам имей кого хочешь, лишь бы она не знала.

Максим выслушал Бетховена, не шелохнувшись, лишь еще крепче вдавил руки в подлокотники. Он чувствовал, что не может позволить себе даже мизинцем шевельнуть.

Одно движение, и бешеная ярость, разрывающая изнутри, вырвется наружу. Тогда этот полутруп, разглагольствующий о смерти его родителей и сестры, захлебнется собственной кровью.

Можно обойтись и без крови. Максим представил, как берет тощую шею в руки – он знает, куда следует надавить, чтобы этот полумертвый подонок закатил глаза, задергался и обмяк в его руках.

Но это не решит проблему. Есть Марго, есть Михаль. Есть целая структура, которую он довольно плохо изучил и, чтобы разобраться в ней, нужно время. А времени у него больше нет.

– Ты, конечно, можешь отказаться, Максим, тебя никто не заставит. Михаль сватался к Марго еще три года назад. Я знаю, что дочка моя ему не нужна, он метит на мое место. Михаль слаб, ему недостает твоей смекалки, он тактик, а ты стратег. Но ты должен понимать, что в таком случае не в моих интересах в дальнейшем удерживать следствие от доследования тех небольших дел, о которых мы с тобой оба хорошо знаем.

Максим сцепил пальцы перед собой и очень постарался, чтобы они не напряглись.

Это уже прямой шантаж: не женишься на доченьке, даем ход всем делам, которые на тебя открывались. А там еще навешают своего и чужого, и сидеть тогда Максиму пожизненно. Он выдержал паузу и проследил, чтобы голос звучал твердо и уверенно:

– Я согласен, Игорь Константинович.

– Вот и славно, мальчик, я знал, что мы договоримся, – Бетховен и впрямь выглядел довольным. – А Диану свою отправляй куда-нибудь в другой город, с глаз подальше. Денег ей дай, квартиру купи и пусть там сидит, нос не высовывает. Она же любит учиться? Вот и отправь учиться, чтобы без обратного билета. Себе другую найдешь. На нее Марго сильно взъелась, просила меня, чтобы я сам занялся твоей Дианой, но я решил, ты и без меня справишься. Ты меня пойми, мальчик, я один ее растил, мать Марго давно умерла. Может и разбаловал немного, но отказывать я дочери не могу. И ты не ломай ее. Характер у нее не сахар, с ней ладиком надо.

Конечно, Максим хорошо помнил эту стерву Маргариту. Ломать? Нет, он не станет ее ломать, и воевать со стоящим одной ногой в могиле стариком тоже не станет. Он выждет нужное время, а потом просто их всех уничтожит.

Только прежде ему нужно защитить Дину.

Вышел от Чайковского, на бегу рассчитался за ужин, впрыгнул за руль и через минуту уже летел по вечерним столичным улицам. Набрал номер, Тимур ответил мгновенно.

– Макс? Что-то случилось?

– Тимур, через три, нет, через два с половиной часа ты должен быть на стыковке. Я еду навстречу, контрольный созвон через два часа. Будь один, ствол не забудь.

– Подожди, какая стыковка, ты ничего не говорил. Ты не пьяный, Макс?

– Тимур, мне нужна твоя помощь, – Максим с трудом выталкивал слова. – Ты о Лане слышал?

Короткое отрывистое «Да».

– Если не поможешь, Дина следующая.

– Я уже в машине Макс, через десять минут буду на выезде из города. Через два часа созвон.

Тимур отбился. Макс положил руки на руль. Стрелка спидометра давно переползла за сто километров в час и продолжала медленно ползти дальше, а ему все казалось, что он недостаточно быстро едет.

Он выбросил все мысли из головы. Главное, не думать о Дине, иначе вернется, достанет автомат и перестреляет к чертям Бетховена с доченькой и со всей его свитой. А там или его убьют, или сядет. Сесть придется, Бетховен уже многих из органов прикормил. Впаяют Максиму по полной.

Нужно позвонить Дине, иначе она начнет волноваться, а ей нельзя ни о чем догадываться. Максим протянул руку к трубке и снова вернул на руль. Говорить как ни в чем ни бывало, зная, что он дальше с ней сделает? Нет, даже его выдержки на это не хватит. Взял трубку и набрал номер.

– Максим! Почему ты так долго не звонил? – радостный голос звенел в трубке. Он сцепил зубы и набрал больше воздуха.

– Дина, я не могу говорить. Мне ненадолго нужно съездить в одно место, там очень плохая связь. Со мной все хорошо, Тимур в курсе.

Голос сразу погрузнел. Он прямо увидел, как она садится на диван, отводит со лба прядь волос и прижимается щекой к трубке.

– Хорошо. Я тебя очень люблю, Макс.

– Я тебя тоже... – и отбросил трубку на сиденье.

Они с Тимуром встретились на первой стыковке, что ближе к городу. Значит, Максим свою часть пути ехал быстрее. Рядом змеилась проселочная дорога, они свернули туда и вышли из машин.

– Все поменялось Тимур, – Макс сунул руки в карманы джинсов и смотрел в сторону, – не так, как мы думали. Я не буду заместителем Михалю после смерти Бетховена. Бетховен хочет, чтобы я занял его место.

– Он тебе сам предложил? – Тимур присвистнул, но не обманулся. – Что он за это запросил?

- Я должен жениться на Марго.

Теперь они оба смотрели в сторону.

- А Дина?

- Марго хочет, чтобы я отправил ее в другой город. Только скажи мне, через сколько дней или часов после ее собьют машина или ее найдут, как Лану...

- Значит, война? - Тимур сорвал травинку и закусил зубами. - Будем воевать, Макс.

- С кем? Бетховен уже почти полностью под ментами. Нас пустят в разработку, и суток не пройдет. Мне Бетховен прямо сказал, мое майское дело не закрыли, а отложили до лучших времен, как и все остальные. Тимур, мы или в расход пойдем, или сядем. Ты тоже, если вступишь за меня.

- Что ты предлагаешь? - он продолжал жевать травинку и вопросительно смотрел на Макса.

Тот повернул голову и посмотрел Тимуру в глаза. И каждое слово давалось с трудом и жгло, как каленое железо.

- Ты должен жениться на ней, Тимур. На Дине.

Повисла тяжелая пауза, лишь сверчки трещали где-то в траве.

- Она меня не любит, - Тимур выбросил травинку и спокойно посмотрел на Максима, - и она не согласится. Я уже звал ее замуж, еще до тебя. Не тащить же мне ее в ЗАГС волоком.

- Мы сделаем так, что согласится. Она не должна уехать, Тимур, Марго только это и надо. Они ее убьют. Но если Дина останется с тобой, под твоей защитой, они ничего не смогут сделать. Ты станешь главным вместо меня. Если для обоих Чайковских моя бывшая девушка просто мелкая помеха, то с женой Багрова им придется считаться.

Тимур долго молчал, а затем заговорил, и в его голосе явно слышался упрек.

– Почему ты так быстро сдался, Макс? Ты даже не пытаешься бороться. У тебя отнимают любимую женщину, а ты... – он сверлил его взглядом и не старался скрыть струящееся презрение. – Или ты не готов отказаться от таких блестящих перспектив? Это же твоя мечта, стать во главе бетховенских!

Опять этот вечный комсомолец Багров со своими идеалами и замашками Супермена! Жаль, что ему тоже нельзя довериться до конца. Если Тимур считает, что Макс променял Дину на место главаря столичной банды, это даже к лучшему. Он и Дине так скажет. Никто не должен знать, для чего ему это место.

Конечно, когда ты с ног до головы закован в железные доспехи и снизу рубишь головы гидре волшебным мечом, у тебя есть шансы. Но если ты наносишь гидре прицельный удар, пролетая вверху на истребителе, вероятность уничтожения противника стопроцентная. Тимур предпочитал доспехи и меч, он – истребитель, и в этом была вся разница. Максим устало потер переносицу.

– И как ты предлагаешь бороться? О том, чтобы бросить наших парней на расправу силовикам, я даже слышать не хочу.

– Забирай ее и уезжайте. Спрячьтесь там, где вас никто не сможет найти и просто живите. Устройся на работу, да хоть охранником, и живи с любимой обычной семьей. Как обычный человек, а не крутой Горец. Плюнь на деньги, на власть, если ты ее по-настоящему любишь. Я бы так и сделал.

– И как долго мы проживем, пока нас не найдут? Год? Или может быть месяц? Или пару дней? – Тимур уже начинал раздражать своим упрямством. – Склоняюсь к паре дней, и знаешь, кого пустят по следу? Тебя, – и добавил жестко, пресекая возмущенные возражения: – Мать твою за город вывезут, день в подвале подержат, и ты найдешь нас быстрее, чем мы успеем разобрать чемоданы.

Тимур уперся руками в капот и избегал смотреть на Максима.

– Послушай, я же не патроны в окопе подавал, – Макс встал рядом, – как и ты. Чайковский знает, если нас возьмет в разработку УБОП, только не такие как этот продажный Яременко, а настоящие менты, мы не только Бетховена сдадим, мы и крышу его подставим. Так что выйти из игры мне просто не дадут, Тимур, не

надо обманываться.

Снова повисла гнетущая тишина. Наконец, Тимур развернулся, вперил в Макса тяжелый взгляд и сказал:

– Хорошо, только у меня есть условие. Ты отдаешь мне ее насовсем, по-настоящему, – и глядя на непонимающее лицо Макса, добавил: – Если ты собирался жениться на Марго и спать с Диной за моей спиной, этого не будет. Я женюсь на Дине, у нас будет семья, а ты забудешь о ней и постарайся держаться от моей жены как можно дальше.

– Иначе что? – горько усмехнувшись, спросил Максим.

– Иначе я выхожу из игры и сам буду думать, как ее спрятать от Бетховена.

Максим вдохнул полной грудью. Пахло яблоками, наверное, где-то рядом яблоневого сад.

– Я согласен. Но ты пальцем ее не тронешь против воли. Пока она сама тебя не захочет, ваш брак будет фиктивным.

Тимур зыркнул недобро исподлобья, но затем молча кивнул. Достал пачку сигарет и протянул Максиму.

– Откуда? Ты же не куришь? – тот взял сигарету, щелкнул зажигалкой и с наслаждением затянулся.

– Курю, когда прижмет. В последний раз курил с полгода назад. А как ты собираешься скормить мою женитьбу Чайковским? Они ведь тоже не идиоты. Кто поверит, что вы заявление подали, к свадьбе готовились, а тут она за меня замуж выходит?

– Поверят. Мы сделаем так, что поверят. Главное, чтобы поверила Дина. Для этого ты сделаешь вот что, – он кратко изложил Тимуру план. И отметил, какое неприкрытое отвращение проявилось на лице Тимура.

- Ну ты и сволочь, Макс, - он даже сплюнул. - Это ж какой извращенный ум надо иметь, чтобы такое придумать!

- Твое дело выполнять, а не благородство изображать. Советчики мне не нужны, а если мне припечет послушать проповедь, пойду в церковь. Так что умолкни.

Докуривали в тишине. Затем попрощались, Тимур направился к машине и на полпути обернулся.

- А ты на Марго правда жениться собрался, или это так, стратегическое отступление?

Максима этот вопрос почему-то разозлил.

- Правда. А почему спрашиваешь?

- Понять пытаюсь, как ты сможешь с ней после Дины...

- Тебя позову, - оборвал его Максим. - Вали давай.

Тимур вырулил с дороги и понесся по трассе. Максим долго смотрел ему вслед. Здесь и осталось-то всего двести километров до города. И до Дины. Макс пролетел за два с лишним часа триста километров, на эти двести хватит меньше полутора часов.

По позвоночнику пробежался холодок. Всего каких-то полтора часа, и он сможет войти в свою спальню. Лечь и прижаться к Дине со спины, отведя в сторону волосы и осторожно вбирая губами нежный шелк ее шеи.

Она такая теплая со сна. Пробормочет что-то и снова притихнет, а он будет просто слушать ее дыхание до самого утра, пока она не откроет глаза. Ловить каждый момент этой щемящей близости.

Как он мог раньше так безмятежно спать рядом с ней? Если бы он знал, что их совместные сны продлятся так недолго, то глаз бы не смыкал, упивался каждым мгновением.

Максим, опершись на капот, смотрел на усыпанное звездами небо. За городом звезды казались больше, небо низко нависало над землей. Он вдруг вспомнил, что такое же небо, полное звезд, было над камнем у морского берега, где они целовались с Диной.

«Ты должна мне доверять», «я буду о тебе заботиться», «я никому тебя не отдам», «я не смогу без тебя жить»...

Что он еще такого не сказал Дине, чтобы теперь нельзя было достать это из закуртка памяти и не ткнуть его мордой?

Звездное небо становилось расплывчатым. В последний раз такое небо он видел десять лет назад на похоронах родителей и сестры. Тогда он поклялся, что найдет и отомстит тому, кто подстроил эту аварию.

Отомстил, наивно полагая, что Бетховен исключительно по душевной доброте позволил ему лично расправиться с убийцей своей семьи. На самом деле тот лишь получил в безраздельное пользование даже не человека. Безликого универсального солдата, который теперь не имел права ни на счастье, ни на любовь.

Майское дело – мелочи. То самое, первое убийство – вот крючок, за который держит его Чайковский. И Дина. Макс сделает все, чтобы сберечь свою девочку.

Пусть выходит за Тимура. Багров любит ее, иначе Максим никогда бы на это не пошел. Если Тамерлан может предать Горца, то свою жену он не предаст.

Максим хорошо знал такой тип людей. Такие как он обвязывали себя гранатами и бросались под танки, направляли горящие самолеты во вражеские эшелоны и закрывали собой плюющиеся огнем амбразуры. С ним Дина будет в безопасности. Воронов с Плосковым тоже позаботятся об этом.

А он должен захлопнуть свое сердце, заковать броней, покрыть толстым слоем льда и не вспоминать.

Не вспоминать, как она бросалась ему на шею, встречая дома. Или как перебирала своими длинными пальцами его волосы, а он лежал у нее на коленях

и довольно шурился. Или как, не зная, что он наблюдает за ней из-за полуоткрытой двери, пела на кухне арию Мистера Икс. Или как читала, накручивая на палец длинную прядь и отбивалась от приставаний, потому что «там как раз начинается самое интересное». Или как смешно дулась, когда он подшучивал над ней, а он делал это специально, потому что ему нравилось потом лезть к ней с извинениями. А главное, не вспоминать ту синеватую жилку, бьющуюся слева на шее, когда она закидывала голову назад, кусая пальцы...

Небо застлало пеленой, за которой звезд уже совсем не было видно. Максим запрокинул голову, закрыл глаза. И увидел Лану – еще ту, семнадцатилетнюю девочку, в которую когда-то влюбился без памяти, и у которой отняли жизнь. Просто так. Только для того, чтобы Макс не забывал кто он и знал свое место, как цепной дворовой пес.

Откуда-то изнутри, из глубин стал подниматься Горец, которого он старался не выпускать наружу с тех пор, как в его жизнь вошла Дина. Он снова наденет эту маску, и Горец поможет ему, как помогал не один раз. Вместе они отомстят и за Лану, и за Дину.

Максим открыл глаза. Пелена исчезла, небо уже не расплывалось. Четкие мерцающие серебристые точки снова усеивали бесконечный покров, простирающийся до самого горизонта.

Макс сел в машину, развернулся и погнал назад в столицу. Ему нужно вернуться и выспаться, хорошо выспаться – завтра понадобится свежая голова.

Он должен встретиться с Марго, придумать повод и привезти ее в родной город. А дальше предстояло сделать самое тяжелое – предать Дину.

Глава 6

Динка положила возле себя трубку на случай, если Максим вдруг выйдет на связь, а сама уселась в гостиной с книгой. Но читать сегодня не получалось, мысли неизменно возвращались к Максиму и предстоящей свадьбе.

Она соскучилась, нужно было столько ему рассказать, а он не звонил уже второй день. И уже второй день два неразговорчивых парня из команды Тимура торчали в машине во дворе, периодически меняясь с такими же молчаливыми товарищами.

Ей не разрешали выходить из дому. Один из парней съездил в магазин и по списку привез нужные продукты.

Тимур отделялся общими фразами, уверял, что с Максом все в порядке, но в груди шевелилось и царапало что-то неясное, тревожное. Динка отложила книгу, поджала колени и уставилась на пустой камин.

В ЗАГСе, на бланке заявления в графе «Присвоить фамилию жене» Максим лично вписал: «Домина». И тогда она впервые осознала, что это все наяву. Она правда станет женой Максима Домина и у них будет одна фамилия.

Макс так и не понял, что ее поразило.

«Мне стоило сделать это на второй день, как я тебя увидел, счастье мое, мы не потеряли бы столько времени. Ты уверена, что тебе нужен муж-тугодум, любимая?»

И она снова зависла от непривычного «муж».

Машка на этот счет была более категорична. Она заявила Дине, что их любовь должна была пройти испытание временем, окрепнуть и закалиться. Теперь свадьба – это лишь логическое завершение тернистого пути их непростой «лав стори».

Динка кивала, соглашалась, а сама знала, что влюбилась в Максима с первого взгляда. И, сделай он ей предложение в самом начале, вышла бы замуж, не задумываясь.

Макс хотел обойтись без свадьбы, но, как обычно что-то прочитав на ее лице, заявил, что ему не принципиально. Пусть будет свадьба, какая ей хочется.

Теперь Дина каждый вечер донимала Макса рассказами, что там они с подругами еще вычитали в очередном журнале. Надо отдать должное, он терпеливо все выслушивал, а под хорошее настроение даже раздавал советы.

На выходных они собирались к маме с бабушкой, Дина должна была познакомить их с Максом. Мама уже начала готовиться, хоть сегодня была только среда, они как раз недавно созванивались.

Максим признался, что волнуется, понравится ли маме или нет, и Динка его успокоила. Если уж того ушастого гоблина, который передает им деньги, мама называет «хороший мальчик», то Максим точно удостоится чего-то лучшего.

В домофон позвонили. Динка посмотрела на экран и удивилась, увидев Тимура. А ему что нужно? Она ему сегодня дважды звонила, и он не говорил, что собирается прийти.

Впустила Тимура в дом и предложила кофе. Она так одичала за эти два дня, что была рада даже его обществу, потому что парни из охраны общаться отказывались категорически.

– Дина, мне нужны документы. Макс говорил, такая зеленая папка, посмотри.

Она быстро нашла нужную папку и вынесла Тимуру. Тот уселся в кухне за столом и принялся просматривать один документ за другим.

– Будешь кофе?

– Если ты тоже со мной выпьешь, – ответил, не отрываясь от листа.

– Тогда я чай.

Дина поставила перед Тимуром чашку с кофе, а сама уселась напротив с большой кружкой чая с лимоном. Тимур пробежал глазами последний документ и озадаченно наморщил лоб.

– Странно, Макс сказал здесь посмотреть. А есть еще похожая папка, может он перепутал и туда положил? Дин, сходи посмотри.

– Больше ничего, – сказала, вернувшись, и отпила из кружки. Какой-то лимон с горечью попался, наверное, слишком толстая шкурка. Больше не надо такие покупать. И не она это покупала, а ее внутриворонная охрана. – Хочешь, сам иди посмотри.

Тимур кивнул и поднялся наверх. Динка почувствовала, как тяжелеют веки и слипаются глаза. Сейчас, она лишь чуточку подремает, а то ужасно клонит в сон. Сложила на стол руки и примостила голову, забравшись с ногами на кухонный диванчик.

Потом сквозь сон показалось, что Тимур берет ее на руки и несет из кухни в коридор, а затем и вовсе уносит из дома. Глупости! Наверное, просто хочет уложить ее в кровать. И с чего она так устала?..

А потом просто стало темно.

* * *

Динка открыла глаза и подумала, что еще спит – обстановка вокруг была незнакомой. Большая комната, освещенная неярким светом ночника. Большая кровать с шелковой кремовой постелью – Макс предпочитал темные тона.

Дина лежала на кровати, прикрытая простыней, и... раздетая. Ну почти. Руки испуганно скользнули по кружеву на бедрах, проверяя. На месте. А вот где все остальное, кто бы ей сказал?

Вдали слышался неясный шум, мужские голоса – кто-то ругался. Эти голоса показались даже знакомыми. Надо бы подняться и выйти посмотреть, что происходит и где она вообще. И одежду свою найти.

Динка приподнялась на локте. Внезапно дверь распахнулась, и в комнату ворвался... Макс? Лицо перекошено, глаза горят, дыхание тяжелое и прерывистое.

Она рывком поднялась и села в кровати. Мигом закружилась голова, а прохладный шелк сполз, обнажив грудь. Непроизвольно прикрылась руками,

потому что вслед за Максимом в дверь влетел Тимур. Кстати, тоже голый по пояс.

Может, кто-то объяснит, что за цирк здесь происходит?

- Ты... - сипло выдохнул Макс и дернулся к Динке.

- Не трожь ее, - зарычал Тимур и, схватив Максима за руку, заломил за спину, - она к тебе больше не вернется, я не отпущу.

- Она со мной, понял? - Макс извернулся и так зарядил Тимуру, что тот отлетел к противоположной стене, тут же оттолкнулся и теперь уже впечатал в стенку Макса.

Динка с ужасом следила за происходящим - может, она спит и это какой-то сумасшедший сон? Максим снова дернулся к ней, она невольно подалась к спинке кровати, прикрываясь простыней.

Вид у него был совсем дикий. Дина не сомневалась, что Макс придушит ее, если только Тимур подпустит его ближе. Может, она впадала в летаргический сон и, пока спала, за это время случилось что-то такое, чем можно было объяснить происходящее?

Дина не сомневалась, что это какое-то недоразумение, нужно просто остановиться и все выяснить. Но, судя по совершенно обезумевшим лицам, останавливаться никто не собирался.

Тимур с Максом избивали друг друга с каким-то остервенением, и Динка с изумлением вслушивалась в фразы, звучавшие в коротких промежутках между очередной схваткой.

- Ты с ней, за моей спиной...

- Я люблю ее, и она меня тоже любит... Так разве тебе можно что-то сказать, ты же бешеный? Да она тебя боится!

- Я сам с ней разберусь...

– Ты ее больше пальцем не тронешь, сволочь, понял? Она снова ко мне прибежала, я больше не отдам ее тебе.

– Что?.. Что вы оба несете?.. Макс? Тимур? – в полном отчаянии шептала Динка, прижав к щекам ладони и переводя взгляд с одного на другого.

Но ее голос тонул в злобном рычании, и она совсем умолкла. Только смотрела до рези в глазах на крушащих все вокруг двух озверевших мужчин.

Было понятно, что все представлялось так, будто Максим ударил Дину, причем не в первый раз. Она прибежала искать утешение у Тимура и, судя по ее виду, нашла. Это можно было бы принять за жуткую инсценировку, вот только били мужчины один другого по-настоящему, до крови.

– Максим, как ты мог обидеть такую чудесную девушку? – Динка подняла глаза.

У двери с едва уловимой улыбкой стояла невысокая черноволосая девушка с коротким каре. А это еще кто? Что она здесь делает?

– Не твое дело. Иди отсюда, – прохрипел Макс, вырываясь из захвата Тимура, – я сказал тебе в коридоре ждать.

Но девушка не пошевелилась.

– А ты суров, Горец, – она выглядела заинтересованной. Странно, почему, если ее фактически послали? Или ей нравится такое обращение? Между тем девушка подошла к Максиму и положила ему руку на локоть. – Послушай, оставь их, зачем тебе с женщинами воевать? А Багров нам живой нужен, хватит уже месить друг друга. Было бы из-за кого.

И тот сразу словно выключился, сбросил руку и сделал движение в сторону Динки. Тимур заслонил ее собой, смотреть на обоих было страшно.

– Я только скажу... – Максим отодвинул его с дороги, но тот лишь отошел на полшага.

– Блиско не подходи.

– Никакой свадьбы не будет, – чеканя слова, проговорил Максим. – Мне жена-шлюха не нужна.

Вот только смотрел он куда-то в стену, мимо нее. Динка так и продолжала прижимать ладони к щекам. За нее ответил Тимур:

– Вот и хорошо, а теперь вали из моего дома.

Максим развернулся и выскочил из комнаты. Черноволосая девушка, окинув на прощание Динку непонятым взглядом, вышла следом.

Тимур дождался, пока хлопнет входная дверь, и его словно отпустило безумное напряжение. Он подошел к встроенному шкафу, отодвинул створку, взял полотенце и вытер с рук кровь. Промокнул лицо, посмотрел на себя в зеркало, а затем достал оттуда же сложенные стопкой Динины вещи и, не глядя, протянул ей.

– Оденься, Дина, – и вышел из комнаты.

Динка принялась лихорадочно натягивать домашнюю одежду, в которой Тимур забрал ее из дому. Надо бежать, но куда? К Максиму нельзя, да и в дом она не попадет. Ключи от квартиры тоже у Максима дома.

Из ванной вышел Тимур. Кровь он смыл, но лицо было все в ссадинах и кровоподтеках. Динка сцепила зубы и бросилась на него, он разве что полотенце успел отбросить.

– Ты гад, Тимур, сволочь, скотина, – она пинала его, царапала и даже попыталась укусить, но он схватил ее за кисти рук и молча удерживал на расстоянии, ожидая, пока она выдохнется.

Она выдохлась, обмякла, и тогда он аккуратно отпустил ее руки. Динка медленно сползла на пол и накрыла руками голову.

– Ты останешься здесь, Дина, – голос Тимура звучал глухо, но твердо, – и ты выйдешь за меня замуж.

– Что? – она издала смешок, потом еще один, а потом смеялась долго, громко, до слез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tocka_tala/flesh-royal-sonata-dlya-bethovena

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)